

НЮРНБЕРГСКИЙ ЛАБИРИНТ

Максим Шарапов

16+

Максим Шарапов
Нюрнбергский лабиринт

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Шарапов М.

Нюрнбергский лабиринт / М. Шарапов — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Судебный процесс над руководителями гитлеровской Германии завершился в Нюрнберге в далеком 1946 году. Но эхо Второй мировой войны до сих пор живет в сознании современных молодых людей. Они знают про бомбежки и голод только из фильмов и книг, но лабиринт прошлого такой запутанный, что влияет на их отношения и в XXI веке.

Если бы Гитлер не напал на мою страну в середине двадцатого века, то уже через несколько лет мог показывать всем нацистский ядерный кулак и даже реально претендовать на заманчивое мировое господство. Но единолично властвовать над нашим миром не может даже Бог, – думал я, глядя из окна ухоженной баварской электрички на просыпающиеся от зимы очаровательные ландшафты, – возможно, поэтому и пришла в голову фюрера Третьего рейха неудачная мысль о войне с Россией. Пришла, побродила в извилинах и реализовалась в большом движении, гибели миллионов людей, разрушении городов и, в конце концов, в уничтожении того, кто наивно решил повелевать всем миром...

Прилетев рано утром в Мюнхен, я ехал теперь в Нюрнберг читать полуторамесячный курс лекций в местном университете. Я был еще молодым русским ученым, как сам себя любил называть, научная тема которого вдруг показалась любопытной немецким коллегам. Я никогда не мечтал жить или работать за границей, но мой ректор, посоветовавшись с кем-то, настоятельно порекомендовал:

– Ехать надо. Рассказывай только теорию, о практике и конкретных опытах – ни слова. Пусть думают, что их пока просто не было. Перед отъездом тебя еще проконсультируют.

И я поехал. К немцам я относился спокойно, несколько раз бывал в их аккуратной стране: пил пиво в Берлине, разглядывал картины в дрезденской галерее, гулял по Сан-Суси и знал даже десяток немецких фраз, но в глубине души всегда помнил, что они первыми напали на нас и сделали моей стране очень больно. И чувствовал, что война эта не забудется никогда, если только память о ней не затуманит новая, еще более страшная.

Добравшись до главного железнодорожного вокзала Нюрнберга, я позвонил Гюнтеру, с которым был знаком по скайпу. Гюнтер был на десять лет меня старше и уже два года возглавлял университетскую кафедру, занимавшуюся близкими к моим мыслям темами. Собственно он меня и отыскал в малотиражных научных публикациях и добился моего приезда в Германию. Теперь этот высокий усатый немец гостеприимно угощал меня кофе в своем просторном доме в предместье Нюрнберга. Пока я пил горьковатый напиток, он напоминал, что университет снял для меня квартирку недалеко от центра, что в моей группе будет всего четырнадцать студентов, и что лекции мои будут проходить два раза в неделю. Остальное время я мог в неформальной обстановке общаться с коллегами, участвовать в совместных лабораторных работах, тут я чуть закашлялся, спать у себя в квартире или путешествовать.

Странно, думал я, кивая Гюнтеру, вот он немец, я русский, а говорим мы по-английски. В истории наших стран были Бах и Чайковский, Гете и Достоевский, Бор и Циолковский, Вернер и Менделеев, а мы общаемся на чужом для нас обоим языке. Может быть, это потому, что в Европе все разобиделись друг на друга? Мы умные и сильные все делили что-то, и теперь чужой язык быстро, как вирус, распространяется между нами.

Выйдя от Гюнтера, я дошел до стоянки такси, назвал водителю адрес и поехал на заднем сидении в своё временное жилище. Я вертел в руках ключи от квартиры, которые выдал мне Гюнтер, смотрел в окно на лица немецких прохожих, косился на быстро меняющиеся цифры таксометра и наслаждался новыми ощущениями, за которые мы и ценим больше всего чужие страны.

Бросив вещи в небольшой студии на верхнем этаже пятиэтажного дома, я вышел на улицу. Первую лекцию мне предстояло читать только послезавтра, а пока я пошел через современные кварталы к старому городу, ориентируясь на хорошо заметные издали пики готических храмов. Я петлял по случайным улицам города, и мне казалось, что он опился какао. Почти все его старые, восстановленные после бомбардировок или совсем новые дома были облицованы камнем «теплых» оттенков какао с молоком, что придавало ему удивительную архитектурную цельность. Уютный и неторопливый город, в котором после второй мировой войны судили соратников Гитлера, был олицетворением сытой умиротворенной Европы и

словно шептал из каждого переулка запахом жареной утки и тушеной капусты: Война? Да что вы! Посмотрите вокруг, разве здесь когда-нибудь могла быть война? Это все глупые сказки...

Когда знаешь о чем говорить, говорить легко, поэтому к своей первой в жизни иностранной лекции я почти не готовился. Я прилично знал английский, в том числе и терминологию своей научной сферы, и просто выстроил в голове несложный сюжет повествования. Пока Гюнтер представлял нового преподавателя студентам, они разглядывали меня своими разноцветными глазами. Из толпы, даже такой маленькой как студенческая группа, рассматривать чужих всегда комфортнее. Но потом Гюнтер предложил им сделать знакомство взаимным и теперь студенты по очереди вставали и рассказывали о себе, своих интересах и странах. Оказалось, что в группе были не только немцы.

Переважив первое пристальное внимание незнакомых людей, я спокойно слушал теперь их короткие автобиографии, внимательно вглядываясь в новые лица. Я давно уже играл сам с собой в увлекательную психологическую игру, пытаюсь разгадывать незнакомых мне людей, впитывая их слова, взгляды, жесты. А потом постепенно пробирался к ним внутрь, подтверждая свои предположения или разочаровываясь в них.

Через неделю я уже составил в голове виртуальную карту взаимоотношений моих слушателей. Лидером мужской половины был американский парень Билл, очень гордившийся своим британским происхождением. Билл выделялся хорошей спортивной фигурой и сильными руками. Он был уверен, что в свои неполные двадцать два года уже знает про жизнь всё, и это немного отупляло его. У него была своя маленькая свита, состоявшая из турецкого парня Бату и албанского студента Дардана. Они старались любыми способами обращать на себя внимание, и были для меня самыми сложными студентами.

Как всякий лидер, Билл нравился многим девушкам. Но только не Хельге. Хельга была самой независимой и самой очаровательной в группе, опровергая своей внешностью известное мнение, что большинство немецких женщин не слишком красивы. Нос с небольшой плавной горбинкой, особый, выдающийся вперед подбородок не мешали ее красоте, но делали прелесть девушки непривычной для русского взгляда. Несмотря на свою двадцатилетнюю молодость, она казалась сильно старше сверстников, но взрослость ее проступала не во внешности, а в неуловимой манере держаться, и глубине, прятанной за занавесом голубых глаз. Я чувствовал, что эта девушка немало пережила, но, сильно надышавшись подростковой свободой, вовремя сообразила поменять вектор своей жизни благодаря природному уму и характеру.

Хельгу хотели все парни, которые учились с ней в группе, и это было хорошо видно с моего преподавательского места. Мне показалось даже, что между ней и Биллом уже были быстрые, не очень нужные ей отношения, память о которых теперь царапала мужское самолюбие американца. По крайней мере, один студент, Дардан, был серьезно, болезненно в Хельгу влюблен, но рассчитывать на ее взаимность тоже не мог: сокурсники уже не цепляли женское подсознание Хельги, своего мужчину среди них она не видела.

Нового преподавателя пробовали на вкус, и больше всех старался Билл. Ему было важно, чтобы его неформальное лидерство поглотило и меня. Еще перед началом первой лекции он заявил, что выговаривать мое имя – Дмитрий – будет очень сложно, и предложил меня как-нибудь упростить. Гюнтер, прислонившись спиной к стене и скрестив на груди руки, с улыбкой наблюдал, как я выкручусь из этой ситуации. Но выкрутила меня Хельга, которая среагировала быстрее:

– А можно мы будем называть вас доктор Дим? – она дружески улыбнулась.

– Доктор Дим? – я посмотрел на Хельгу и сделал паузу, – Конечно.

Дим. Просто и на европейский манер, да еще доктор. Мне понравилось, хотя никаким доктором я еще не был.

После неудавшейся попытки свести обращение ко мне до снисходительного, Билл несколько раз провоцировал меня двусмысленными вопросами, которые должны были показать всем мою некомпетентность в некоторых деталях, косвенно связанных с моей научной темой. И, правда, я знал не все, о чем он спрашивал. Но тут меня выручало житейское остроумие, прижившееся во мне еще до научной карьеры, и я разворачивал его вопросы против него самого, заставляя всю группу смеяться.

– Дим, вы не торопитесь?

Она окликнула меня, когда я уже вышел из университета на улицу.

– Нет, – остановился я. Мне льстил ее интерес.

– Тогда хотите, я скажу, что думаю о ваших лекциях?

– Конечно, – согласился я, надеясь, что ее комплименты не будут слишком приторными.

– Ваши лекции профессиональны, но очень скучны, – выдохнула она.

В моем лице, наверное, что-то переменялось, потому что она добавила:

– Вы же не обижаетесь на правду? – и, не дожидаясь моего ответа, продолжила, – создается впечатление, что вы хорошо знаете, о чем говорите, но вам уже скучно. Ваши мысли уже где-то дальше, поэтому произнесенные слова эмоционально пусты и не трогают. А я слышала, что русские часто побеждают как раз за счет своих эмоций. Хотя я плохо знаю русских, – она, наконец, замолчала.

Обвинить меня в мелких эмоциях мог только тот, кто меня совсем не знал. Но она была права: то, о чем я говорил на своих занятиях, я давно пережил. Я нервно мотнул головой в сторону и заметил куривших на крыльце университета Билла и двух его друзей.

– Вы все-таки обиделись, – выражение ее лица намекнуло на извинения, и тут же сделалось неумовимо хитрым: – Но вы ведь сами попросили высказать мнение о своих лекциях.

Я совершенно не помнил, чтобы просил ее высказываться о моих занятиях, но мое затянувшееся молчание, наверное, только усиливало ее впечатление о моей эмоциональной тупости. И тогда я сказал:

– Я на правду стараюсь не обижаться. Это Билл пусть обижается, что ты с ним больше не спишь...

Ее глаза отшатнулись от меня в глубину:

– Откуда ты знаешь!?

– Не важно. Главное, не задохнись сейчас в своих эмоциях, потому что он с большим интересом смотрит на нас.

Она резко обернулась. Трое парней сделали безразличные лица и о чем-то заговорили.

– Молодец! – продолжал я разрушать миф о своей тусклой эмоциональности, – ты только что крикнула ему: Эй, а мы говорим о тебе!

Теперь она стояла передо мной растерянная, с проступившим откуда-то из глубины детским беззащитным лицом. Я чувствовал: еще мгновение, она повернется и уйдет. И тогда я взял ее за руку и повел по улице. Мы свернули в какой-то переулок, где нас уже не могли видеть любопытные студенты, прошли мимо антикварной лавки, книжного магазина, ресторана и я отпустил ее пальцы. Но она не отстранилась, взяла меня под руку и пошла рядом. Наши отношения словно повзрослели за эти двести метров, которые мы прошагали вместе.

– А знаешь, куда мы идем? – спросил я.

– Куда?

– Ты будешь показывать мне свой город, город в котором ты прогуливала школу, пила пиво втайне от родителей, впервые поцеловалась... Да?

– Да. Только где целовалась, не покажу.

– Почему это?

– Потому, что первый раз это было в Пассау, на экскурсии.

– Можно подумать в Нюрнберге ты не целовалась.

– Ну, ты же говорил про первый раз. Давай тогда, – она оживилась, – я не просто покажу, а мы попробуем пережить все еще раз?

– Договорились.

Теперь она вела меня по каким-то улицам и, не стесняясь, рассказывала о себе. Ее отец умер, когда ей было всего десять лет и счастливое детство, в котором они втроем с мамой путешествовали по разным городам, ездили отдыхать на море, где она была любимой папиной дочкой, оборвалось. Похоронив отца, мать очень изменилась: вытеснила из своей жизни его родственников и друзей, а потом в доме стали появляться чужие женщины...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.